

Чи Юцин споткнулся на полуслове. Соображал он быстро: Дуань Цзинсянь обо всём догадался.

Тяжело вздохнув, юноша признался:

— Я не хотел тебе говорить. Меньше знаешь — крепче спишь, от таких новостей только тоска.

Дуань Цзинсянь прекрасно понимал, чем руководствовался Юцин: тот всего лишь берёт его чувства, не желая расстраивать из-за выходки Дуань Минъюя.

— Чему быть, того не миновать, — спокойно отозвался Цзинсянь. — Всякое дело оставляет следы. Я и сам ни о чём не догадывался, пока партнёры, с которыми мы так тяжело вели переговоры, внезапно не сменили гнев на милость. Они сами пришли с извинениями и предложили самые выгодные условия. Когда я навёл справки, выяснилось, что они в пух и прах поругались с нашими конкурентами. А размотать эту ниточку до разгадки оказалось совсем несложно... Всё упёрлось в один внутренний документ нашей корпорации, над которым кто-то хорошо поработал. Конкуренты заглотили наживку, получили фальшивку, совершили фатальную ошибку и со скандалом сожгли все мосты с партнёрами. Юцин, круг людей, имевших доступ к этим бумагам, крайне узкий. Найти виновного было делом пары часов. Едва получив первые результаты, я набрал Минъюю. Прямого признания от него я не услышал, но на деле...

Цзинсянь горько ухмыльнулся:

—...он выдал себя со всеми потрохами.

Юцин не удержался и прижал ладонь ко лбу, с немой досадой взглянув на собеседника:

— Ну хоть капля ума у него есть? Зачем было сразу со всем соглашаться? В таких делах молчать надо до последнего!

Цзинсянь понял, к чему тот клонит. Подавшись чуть ближе, он заглянул Юцину прямо в глаза:

— Не скажу, будто мне... ничуть не больно от его поступка. Но теперь я хотя бы знаю: я больше не одинок.

Рядом с ним наконец появился человек, которому можно довериться без оглядки. Пока Юцин остаётся подле него, всё остальное теряет значение. Даже предательство родного брата уже не казалось катастрофой. Кровные узы — ещё не гарантия верности, да и выходка Минъюя не стала для него неожиданностью. Младший брат наверняка... да что уж там, совершенно точно таил на него глубокую обиду.

Юцину от этих слов стало нестерпимо больно. Цзинсянь никогда не покажет свою слабость до конца, но тяжесть у него на душе ощущалась физически. Получить удар в спину от родного

человека — врагу не пожелаешь.

Прижавшись щекой к его плечу, Юцин протяжно пробормотал:

— Дядюшка... Я правда не хотел от тебя таиться. Прости меня. Просто не перенёс бы, увидь я, как ты страдаешь.

Цзинсянь ласково погладил тёмную макушку, уткнувшуюся ему в плечо:

— Я всё понимаю. Не вини себя. Это я должен сказать тебе спасибо — ты, сам того не ведая, очень мне помог.

Юцин поджал губы:

— Да с теми непорядочными конкурентами ты бы и сам в два счёта разобрался! Моя помощь тут ни при чём. А вот твой брат... Никакой он тебе не брат! Не просто не уважает, а только и норовит подставить да хамит на каждом шагу. Была бы голова на плечах, а то ведь ляпает языком что попало! Я просто решил воспользоваться случаем, раз уж он сам приполз, и проучить его. Пусть научится думать мозгами, а не верить чужим наветам. Ты ведь такой замечательный... За что он так с тобой?

Цзинсянь чуть повернул голову, щекой касаясь шелковистых волос Юцина. В груди разлилось щмящее тепло.

— Люди разные, Юцин. Мы с Минъюем хоть и родные по отцу и матери, но кровь — не гарантия душевной близости. Он — моя ответственность, данная от рождения. А вот ты... ты мой собственный выбор. И только ты способен отыскать во мне хоть что-то хорошее. Впрочем, мне этого более чем достаточно.

От этих слов взгляд Юцина потемнел. Чувства, которые он так долго сдерживал, вспыхнули с новой силой. Окружающим голос Дуань Цзинсяня казался ледяным, отчуждённым и сочащимся холодом. Но для Юцина его речи звучали подобно чистой, звонкой капели — сладко и чарующе. Они проникали в самое сердце.

И всё же слушать такую кротость он не мог. С чего это Цзинсянь так принижает себя?

Юцин выпрямился и, не отрывая взгляда от глаз мужчины, серьёзно произнёс:

— Дядюшка, пообещай мне кое-что. Вбей себе в голову каждое слово, которое я сейчас скажу. Запомни их раз и навсегда, хорошо?

Цзинсянь на мгновение растерялся — к чему эта внезапная строгость? Но, видя нешуточную

серьёзность юноши, тихо кивнул: он внимательно выслушает.

Юцин сделал глубокий вдох:

— Во-первых, кто вообще сказал, будто только я считаю тебя замечательным? А у тех, кто думает иначе, просто глаза на одном месте! Раз они слепы, надо окружить себя нормальными людьми. Мы ведь взрослые: глупцов не переделываем, а просто отсеиваем. Народу кругом полно, обязательно найдутся те, кто оценит тебя по достоинству!

Он набрал ещё воздуха и продолжил без паузы:

— А если рассуждать совсем крайностями... Пусть даже я останусь единственным в целом свете, кто видит твою доброту, — я буду повторять это в тысячу раз громче! Выскажу всё и за себя, и за всех глупцов вместе взятых! Дядюшка, для меня ты — самый-самый лучший на всём белом свете! Ну вот как можно быть настолько красивым? И глаза, и нос, и губы — всё идеальное! А уж когда вместе... Да ты же вылитый мужчина моей мечты! Про твои таланты и говорить нечего: Корпорация Дуань — лучшее тому доказательство. А характер? А выправка? Стоит тебе просто появиться где-то — и у всех дыхание перехватывает! Да, ты кажешься холодным, будто луна в небесах, не подступишься... Но чем недоступнее эта красота, тем сильнее она завлекает! Каждый твой жест восхищает. Думаешь, они не хотят быть ближе? Да они просто робеют перед тобой! К такому невероятному человеку, как ты, не каждый решится подступить... И вообще...

— Молчи! — оборвал его Цзинсянь.

Слушать это не было никаких сил. Куда его понесло?! Цзинсянь искренне не понимал, как у Юцина хватает духу произносить подобное без тени смущения — так искренне, с такой абсолютной правотой!

Настойчивую речь прервала ладонь, резко закрывшая юноше рот. Юцин даже не подумал возмущаться: во-первых, он уже успел выпалить главное, а во-вторых... результат превзошёл все ожидания.

Он ласково смотрел на мужчину. Взгляд Цзинсяня, обычно напоминавший затянутую льдом гладь озера, сейчас оттаял и заблестел, уголки глаз чуть покраснели. На белой, словно фарфор, коже румянец проступал особенно ярко — кончики ушей запылали густым багрянцем.

Смутился.

«Просто он не привык к похвале, — подумал Юцин. — Ничего, повторение — мать учения. Буду хвалить его каждый день, пока он не привыкнет. А такой замечательный человек заслуживает только самых лучших слов».

Он мягко сжал тонкое запястье Цзинсяня и потянул на себя, но рука, закрывавшая ему рот, не шелохнулась.

Цзинсянь никогда в жизни не слышал ничего подобного и был совершенно беспомощен перед этой чистой, пылкой страстью. Хотя на дворе стояла прохладная осень, ему показалось, будто время повернуло вспять, возвращая его в самый разгар июльского зноя.

В груди пылал пожар.

Почувствовав, как Юцин тянет его за руку, он не разомкнул пальцев, лишь постарался придать голосу хоть немного твёрдости:

— Пообещай, что больше не произнесёшь ни слова из этого бреда. Поклянись — и я отпущу.

«Не произнесу ни слова?» Юцин и не думал соглашаться. Ну уж нет, ни за что на свете! Он будет шептать эти слова ему на ушко снова и снова.

Он отказывался уступать, а Цзинсянь не намеревался убирать руку. Казалось бы, тупик, но у Юцина уже созрел отличный план.

Отпустив запястье мужчины, он лишь хитро прищурился, а в его глазах заплясали бесовские искорки.

Цзинсянь пристально всматривался в юношу. Стоило ему заметить эту лукавую улыбку, как сердце ёкнуло. Дело плохо. Этот мальчишка явно замыслил очередную шалость...

Интересно, какой сюрприз он уготовил на этот раз?

<http://bllate.org/book/20021/1991466>